

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ... ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

УДК 398
ББК 82.3(4Рос)

ОБРАЗ ВОЙНЫ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ АЛЬБОМАХ И ЛОКАЛЬНЫХ ХРОНИКАХ

КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА ГАВРИЛОВА

(Европейский университет в Санкт-Петербурге:
Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3а)

***Аннотация.** В статье анализируется прагматика использования образа Великой Отечественной войны в коммеморативных проектах краеведа одной из деревень Уржумского р-на Кировской обл. В качестве важных аспектов проводимой им политики памяти анализируются исторические альбомы (композиция и риторика), экспонируемые в деревенском музее, публицистические статьи об участниках и ветеранах войны, опубликованные в районной газете, а также главы из исторической хроники деревни, составленной краеведом. Прослеживается связь современных стратегий коммеморации с форматами и идеологемами советской эпохи (риторикой жертвенности и долга поколения живых, опасности забвения, ценности памяти). Кроме того, рассматривается конкуренция описаний войны (переживания военного опыта) и этнических (марийских) нарративов, через примирение которой формируется образ деревни и выстраивается ее локальная история.*

***Ключевые слова:** политика памяти, Великая Отечественная война, краеведение, массовая сельская культура.*

Образ Великой Отечественной войны занимает одно из центральных мест в официальной и массовой культуре современной России, в проводимой на государственном или низовом уровне политике памяти — это утверждение воспринимается (и используется, мною в том числе) как не требующий доказательств зачин исследований, посвященных памяти о войне. Обзор работ позволяет выделить репертуар актуальных исследовательских вопросов, связанных с войной. В социологической и политологической литературе, в работах культурологов победа в Великой Отечественной войне (далее — ВОВ) рассматривается чаще всего как основа «коллективной идентичности» современных жителей России — ядро структуры национальной мифологии [Щер-

бакова 2001; Гудков 2005; Хёслер 2005, 92–95]. Подобное утверждение может проговариваться, а может существовать на уровне пресуппозиции и выступать основой для дальнейшего анализа стратегий официальной коммеморативной политики [Память о войне, 2005], интерпретации системы мест памяти и нарративов лидеров государства. Одно из направлений разработки темы фокусируется на способах преодоления или переживания «травмы» и стратегиях (целях) «проработки прошлого» [Хёслер 2005; Травма 2009], другое — на связи роста значимости ВОВ в публичном дискурсе с распадом СССР. Для данного исследования контекстом могут стать работы, изучающие «канон» визуализации и вербализации памяти о войне, наследующий советской политике и ри-

торике. С одной стороны, в фокус внимания подобных исследований попадают мемориальные комплексы (памятники и музейные экспозиции), посвященные погибшим воинам или победе [Адоньева 2009; Воронина 2011], с другой — в них активно обсуждается клишированность, формульность языка описания *опыта* Войны (участия, переживания, памяти) [Гудков 2005, 50, 51]. Примером последовательного анализа эволюции «конвенционального языка исторической памяти» является статья Натальи Конрадовой и Анны Рылевой: с точки зрения авторов, внешний вид (составные элементы и иконография), выбор места, инициатива установки памятников героям ВОВ отражают этапы трансформации официальной и низовой «памяти» о Войне (вектор движения от локальных инициатив коммеморации конца 1940-х гг. к централизованным в 1960-е гг.) [Конрадова, Рылева 2005, 136]. Окончательное оформление «советского официального ритуала» («стандартного мемориального тезауруса»), транслирующего канонические смыслы войны и победы, исследовательницы относят к 1960-м гг.; тогда же, очевидно, кодифицируется и особый идиом описания опыта войны¹. В качестве важной характеристики памятников на современном этапе авторы отмечают их функционирование в качестве «мемориального ядра», символического центра локуса (деревни или города), к которым, например, тяготеют новые памятники «новым героям и жертвам» (погибшим

в Афганистане или Чечне). Несмотря на описанный выше широкий круг исследований, особенностями «больших» курсов о войне невозможно подменить, на мой взгляд, анализ низовых коммеморативных практик с антропологической перспективы. То, что происходит в условном селе или городе, по инициативе местных жителей или даже локальной администрации, с равной вероятностью может отражать официальную политику или выходить за ее рамки².

В своей статье я постараюсь показать, какое место образ войны может занимать в локальной краеведческой деятельности, на примере проектов активного и известного в пределах своего региона (Уржумского р-на Кировской обл.) краеведа Александра Федотовича Петрушина³. Принципиальной для меня будет фокусировка на микроуровне исследования — анализе конкретных проектов, инициированных без какой-либо формальной институциональной поддержки (например, районных институтов культуры) человеком, не имеющим специального исторического образования. Выбирая уржумского краеведа в качестве «главного героя» статьи, я ни в коем случае не настаиваю на уникальности его деятельности в масштабе области и тем более страны⁴. Напротив, более всего меня интересуют те аспекты его инициатив и риторики, которые отражают структурные особенности феномена краеведения и воплощают дискурсивный образ войны, сложившийся на постсоветском пространстве.

¹ «Ветераны и сегодня говорят о войне на языке газетных передовиц тридцатилетней давности. СМИ и публичная риторика советского периода формировали тот язык, на котором можно было говорить о личном военном опыте. Однако советские речевые клише о “родных лесах” и “фашистской гадине” являются единственным способом, который позволяет людям, не владеющим навыками публичных высказываний, выражать свои мысли и рассказывать истории» [Конрадова, Рылева 2005, 141].

² Частный пример барнаульского «школьного музея локальных войн» становится для Сергея Ушакина отправной точкой рассуждений о способах концептуализации особой культурной логики «травмы» — как опыта утраты, консолидирующего события или символической (повествовательной) матрицы [Ушакин 2009, 5–11]; подобная антропологическая перспектива, впрочем, является скорее исключением, чем правилом разработки темы ВОВ.

³ Полевая работа в деревнях Уржумского р-на проводилась в течение пяти лет (с 2009 по 2013 г.) автором статьи в рамках диссертационного исследования «Образ традиционного и низовой (локальный) национализм в марийских деревнях Уржумского района Кировской области», выполняемого на факультете антропологии ЕУСПб.

⁴ На районном уровне ежегодно проводится целый спектр мероприятий, популяризирующих знания о ВОВ, — в каждом из центров культуры и образования Уржума и других деревень района. К сожалению, анализировать этот важный для рассматриваемых проектов фон в рамках статьи не представляется возможным.

Александр Петрушин (далее — АП)⁵ является представителем той группы сельского населения, которая чаще всего попадает в фокус внимания исследователей российской деревни, обозначается при помощи словосочетания «локальные эксперты» (или менее удачного — «сельская интеллигенция») и формируется из жителей, работающих в сфере образования (учителей, культуры (библиотекарей, сотрудников клубов, домов культуры) и собственно краеведов⁶. Как правило, в рамках сельского сообщества символическое право на упорядочивание или вербализацию легитимной версии локальной истории (как вариант право на альтернативную интерпретацию тех или иных исторических событий) принадлежит именно таким представителям образованной «элиты» (узурпируется ими или делегируется им). Признанные краеведы, более того, нередко вырабатывают собственную программу *политики*

памяти — комплекс проектов, реализуемых с целью формирования, упорядочивания и кодификации представлений жителей деревни о ее истории⁷. Важно понимать, что историографической деятельностью круг интересов сельских экспертов редко ограничивается. Так, например, краеведческие изыскания героя данной статьи вдохновляют и направляют его долгосрочное сотрудничество с объединениями этнических активистов Республики Марий Эл, а также регулярное посещение им съездов и конференций представителей других «финно-угорских» регионов России. Поддержание и продвижение марийской культуры в родной деревне Тюм-Тюм⁸ — дискурсивно определяемой (и деревенскими жителями, и населением района) как этнически гомогенная, «марийская» — является, безусловно, главным стимулом и основной идеей деятельности АП. Тем не менее такая направленность сочетается с регулярными историческими

⁵ Краткую биографию Александра Петрушина я приведу по материалам интервью с ним. АП родился в деревне Тюм-Тюм в 1953 г., здесь же окончил 8 классов школы, в 9–10 классах учился в соседнем селе Шурма. В течение пяти лет жил в Москве, после чего вернулся в Тюм-Тюм, где стал работать учителем физкультуры в школе; параллельно с работой заочно учился на факультете физвоспитания Кировского пединститута (КГПИ, ныне ВГУ). После получения диплома его назначили на должность директора тюм-тюмской средней школы: в этой должности он проработал 20 лет, параллельно преподавал в школе краеведение с 5-го по 9-ый классы. После закрытия в 2008 г. средней школы Тюм-Тюма устроился работать страховым агентом, продолжая свои занятия краеведением.

⁶ Краеведение, вслед за работой Эмили Джонсон, я рассматриваю как одну из *identity-disciplines* — «область, в которой преобладают исследователи, в очень высокой степени отождествляющие себя с объектом своих научных изысканий, воспринимающие его скорее как часть самих себя, нежели как нечто постороннее. <...> Исторически и культурно обусловленные понятия идентичности часто играют ключевую роль <i> в определении дисциплинарных границ. <...> <A> научные изыскания легко смыкаются с социальным активизмом [Johnson 2006, цит. перевода по: Лоскутова 2007]. О феномене краеведения, сложившемся в позднесоветское время и наследуемом постсоветской эпохой (как практика и одна из основ политической и культурной регионализации), см.: [Донован 2012].

⁷ В своей трактовке категории «памяти» я опираюсь на социологическую традицию, идущую от Мориса Хальбвакса — через представителей конструктивистской парадигмы исследования национализма и национальной мифологии (Эрика Хобсбаума, Бенедикта Андерсона и др.) — к изучению способов инструментального использования «исторической памяти». Представления об «исторической памяти нации» (*national memory*) призваны скреплять «воображаемое сообщество» людей, никогда друг друга не встречавших, но убежденных в том, что они разделяют общую историю; сама «память нации» (кодифицированный набор представлений об общем прошлом), равно как и «сообщество памяти», формируются в результате целенаправленной политики памяти — постоянного воспроизводства набора мнемонических и символических (коммеморативных) практик, а также посредством учреждения «институтов» памяти (музеев, научных организаций) [Gillis 1994; Antze, Lambek 1996; Хобсбаум 1998 и др.].

⁸ Деревня Тюм-Тюм является одним из небольших населенных пунктов Уржумского р-на Кировской обл. Количество жителей Тюм-Тюма на 2002 г. составляло 333 человека [Итоги Всероссийской переписи 2006, 162–167]. В течение 2009–2013 гг. в деревне функционировали начальная школа, клуб, два магазина и частная ферма. Прямого транспортного сообщения с районным центром деревня не имеет.

изысканиями, общественной работой на благо деревни и даже с социальным активизмом. Кроме того, АП контролирует некоторые материальные ресурсы, имевшие ранее статус общедеревенских: например, после закрытия школы он — как бывший директор и единственный относительно легитимный претендент на владение заколоченными помещениями — открыл в основном здании школы краеведческий музей, а в 2012 г. одно из подсобных зданий передал местным православным под «молебный дом».

В репертуаре публичных социальных ролей АП роль эксперта в области истории деревни и семей ее жителей является наиболее значимой. Так, с самого начала полевой работы в Тюм-Тюме мое внимание привлек тот факт, что абсолютное большинство опрошенных жителей на вопросы об истории деревни или района отвечали советом сходить к АП, который «лучше знает». Стратегия делегирования местному признанному эксперту права на *обладание* правильной версий локальной истории и ее *презентацию вовне* в целом не уникальна. Другое дело, что в случае Тюм-Тюма тотальное делегирование подкреплено не только знаниями АП, но и многочисленными проектами по конструированию и кодификации истории деревни, инициированными и постоянно популяризируемыми им. В число таких проектов входят учреждение деревенского краеведческого музея, открытие трех новых памятников на территории Тюм-Тюма, фокусировка школьных уроков по краеведению на локальной истории деревни, введение исторических рассказов (справок) в сценарии деревенских праздников, создание и публикация целого ряда текстов, посвященных истории, культуре и жителям д. Тюм-Тюм. Не имея возможности обсуждать в рамках статьи все перечисленные форматы, в контексте разговора об образе ВОВ в локальной истории деревни и региона считаю продуктивным обратить внимание на некоторые экспонаты деревенского музея и принципы составления исторических нарративов о Тюм-Тюме.

Краеведческий музей в Тюм-Тюме был открыт по инициативе АП 20 июня 2009 г. в пустующем здании бывшей тюмтумской школы. До этого момента экспонаты будущего музея также хранились в здании школы и демонстрировались

посетителям (не школьникам) по праздникам. В четырех основных залах музея хранятся предметы, отражающие «материальную культуру» (быт) предыдущих поколений жителей деревни, дореволюционные печатные издания и советские школьные учебники, альбомы по истории деревни, личные документы жителей деревни начала XX в., комплекты марийских костюмов и многое другое. Демонстрируемое в музее можно условно разделить на две группы: первая — экспонаты, идентифицированные собирателями (школьниками) и учредителем музея как «старинные», исторически ценные, принадлежавшие жителям Тюм-Тюма, но вышедшие из употребления и поэтому требующие интерпретации и комментирования сегодня; вторая — экспонаты, содержащие узнаваемые этнические («марийские» / «финно-угорские») знаки. Нарративный потенциал музея заключается в репрезентации не столько локальной истории, сколько этнического образа деревни и непохожего на современный материального мира, подлежащего экспонированию и комментированию.

За репрезентацию же локальной истории в музее отвечают *альбомы*, занимающие промежуточное положение между предметными экспозициями (визуализацией прошлого) и историографией (нарративизацией прошлого). Всего в музее хранится 11 альбомов: «История школы» (3 тома), «История деревни» (2 тома), «Книга памяти» (2 тома), «Книга ветеранов д. Тюм-Тюм» (2 тома), «Участники трудового фронта 1941–1947 гг. д. Тюм-Тюм», «60 лет Победе». Альбомы формировались постепенно в течение многих лет, поэтому АП не помнит в точности, когда работа началась. С одной стороны, альбомы являются сборником конкретных сведений по истории деревни, составленным лично АП и использовавшимся на занятиях в школе, с другой — на данный момент они функционируют как полноправные экспонаты музея Тюм-Тюма. Например, альбомы предлагают удобный формат визуализации основных исторических событий и лиц деревни (типологически близкий к экспозиционным стендам, отсутствующим в музее) и поэтому часто демонстрируются экскурсионным группам или гостям в дни деревенских праздников.

Составление исторических альбомов — практика, распространенная во

всех обследованных мною деревнях района и, шире, вполне типичная для массовой культуры современных российских сел. По критерию композиции альбомы можно условно разделить на *нарративные* и *каталожные*. Нарративный тип сфокусирован на выстраивании (разными способами — визуальным, посредством фотографий, или вербальным, посредством комментариев от руки) перспективы событий локальной истории. В случае Тюм-Тюма последовательно описывается создание коммуны, участие жителей в ВОВ, учреждение и развитие школы (к этому типу можно отнести альбомы «История деревни», «История школы»). В *каталожных* альбомах размещаются — в соответствии с выбранным единым шаблоном («анкетой») — документальные сведения о конкретных жителях деревни: альбом тяготеет к жанру «досье» с фотографиями, где на каждого человека приходится отдельная страница. Я остановлюсь на трех альбомах этого типа, призванных систематизировать и увековечить опыт участия жителей деревни в ВОВ — на «Книгах памяти», «Книгах ветеранов» и альбоме «Участники трудового фронта 1941–1947 гг. д. Тюм-Тюм».

Анкета, выбранная АП для репрезентации конкретного жителя на странице альбома, включает несколько обязательных пунктов биографии. В качестве рамки презентации воина или ветерана в альбоме АП старается привести фамилию, имя и отчество, годы жизни, уровень образования, установить, кем он/она работал(а) до и после Войны, состоял(а) ли (и с какого года) в партийных организациях, кто из ныне живущих родственников человека остался в Тюм-Тюме. Рамку следует рассматривать как наиболее жесткую часть структуры анкеты: так или иначе АП старается поместить

в альбом все вышеперечисленные сведения или — если их не оказывается — обозначить пустой строкой значимое отсутствие. Смысловым и композиционным центром анкеты является фактография участия человека в войне: при описании частного военного опыта АП одновременно руководствуется представлениями о жанровом каноне официальных «Книг памяти»⁹ и выходит за его рамки. Так, на страницах альбома лаконичная формальная «справка» о человеке (звание, информация о том, где воевал, когда призван, где погиб и где похоронен) может соседствовать с подробными нарративами о личном опыте войны, записанными со слов ветеранов или родственников воинов. Важным компонентом этой части становится также упоминание или визуальная репрезентация полученных человеком наград (ксерокопия удостоверений или фотография самого ветерана). При составлении альбомов АП, с одной стороны, действительно ориентируется на образец, предложенный публикуемыми «Книгами памяти», с другой — стремится представить решительно все сведения, имеющиеся у него о человеке, настолько подробно, насколько в принципе возможно, не ограничивая себя анкетой. Благодаря этой второй тенденции в альбомы попадают самые разные «материальные следы» жизни описываемого человека — ксерокопии и оригиналы его личных писем, фотографий, документов (и даже личных документов его родственников), связанных или не связанных с ВОВ. В результате границы макротекста — *каталожного альбома* — размываются, родня его с *энциклопедией*, в которой собраны все доступные сведения о человеке, а для «неизвестных солдат» оставлены пустые, упорядочивающие страницы (содержащие иногда лишь имя)¹⁰.

⁹ В «Книге памяти» Уржумского р-на, с которой АП хорошо знаком, содержатся сведения о многих жителях Тюм-Тюма, участвовавших в ВОВ. Чаще всего в статье указываются фамилия, имя и отчество воина, место его жительства до войны, место призыва, когда и где он погиб, где похоронен [«Книга памяти» 1995].

¹⁰ В этом плане еще более показательным примером оказывается альбом, посвященный участникам «трудового фронта» — жителям деревни, мобилизованным на работы за пределами Тюм-Тюма в годы войны. В отличие от описанных выше, переплетенных типографским способом альбомов, этот альбом-сборник состоит из вложенных в полиэтиленовые файлы ксерокопий и записанных от руки пространственных воспоминаний жителей о войне, биографических сведений, никак не связанных с ВОВ (в том числе биографий детей героев) и даже фольклорных текстов, пришедшихся к слову.

Функционируя одновременно как экспозиция и справочник, описанные альбомы, помимо прочего, включают уже опубликованные статьи АП об участниках войны. Рекурсивное сосуществование продуктов коммеморации не смущает автора: альбомы предоставляют информационное «сырье», материал для газетных статей, а сами статьи — в виде вырезок — дополняют страницы альбомов. В одних случаях альбомная страница предшествует статье, в других — наоборот. Несколько слов необходимо сказать также об источниках сведений, используемых при составлении альбомов, и одновременно о методологии сбора краеведом материала. Для некоторых альбомов АП привлекает данные районного, областного и других государственных архивов, военкоматов и ветеранских организаций, архивы газет и местных институтов культуры. Но основным источником оказываются все же семейные архивы населения деревни (в том числе и собственный), а также записи бесед с жителями Тюм-Тюма. Метод интервьюирования соседей по деревне (старожилов), записи «подслушанных» спонтанных высказываний и собственных воспоминаний достаточно распространен среди локальных экспертов и краеведов [Власов, Ахметова 2010; Николаев 2010; Николаев 2012]. Впрочем, технику полевой работы АП следует признать достаточно изощренной: интервью он берет в основном прицельно, заранее готовясь (составляя вопросы или путеводитель к беседе) и ведя по ходу беседы конспект: как правило, АП частично записывает разговор от руки, реже — производит его аудиозапись с последующей расшифровкой¹¹.

Принципиальная гетерогенность представляемой в альбомах информации фрагментирует макротекст, делая любые попытки встроить отдельных героев в общую историческую панораму нереализуемыми. Возможно, именно из-за нелинейности вербальной составляющей альбомов, с одной стороны, и из-за недоступности альбомов широкому кругу зрителей и читателей — с другой, АП постоянно ощущал

необходимость перерабатывать имеющуюся у него историческую информацию в *повествование* (целостный нарратив). Результатами таких переработок стали книга «Тюм-Тюм — певучий родник» и серии статей о жителях в местной периодике.

Библиография АП, за наиболее активный его творческий период 1990–2010 гг., насчитывает более двух с половиной сотен статей в периодических изданиях районного и, реже, областного уровней: среди них около трех десятков статей посвящено военной тематике (преимущественно ВОВ, но также участию жителей деревни в афганской и чеченской военных кампаниях, учебе в военных училищах и прохождению срочной службы). Газетные статьи ориентируются на жанры и форматы типологически и идеологически близких своих предшественников из советской эпохи: каталожные альбомы, перечисляющие героев деревни, наследуют риторике и композиции «Книг почета» предприятий и колхозов, досок почета и стендов с фотографиями и краткими биографиями передовиков производства, а специально подготовленные газетные «оды» тяготеют к жанру хвалебных статей об успешных работниках предприятий, семейных династиях, трудовых и военных подвигах.

Далее на примере нескольких показательных фрагментов текстов я попытаюсь проанализировать «одический» стиль АП в двух аспектах: с точки зрения композиционных параллелей между альбомными и газетными текстами и с точки зрения идеологических импликаций, организующих тексты статей.

В районной уржумской газете «Кировская искра» статьи АП, посвященные участникам ВОВ, регулярно печатаются в рубриках «Судьбы людские» или «Никто не забыт, ничто не забыто». На уровне структуры композиции газетные публикации повторяют пункты альбомных анкет, упоминание ВОВ функционирует в них как рубеж, делящий биографический рассказ на три части (ср. о биографии жительницы Тюм-Тюма

¹¹ Избирательность конспектируемого, на мой взгляд, обусловлена собственными представлениями АП о достоверности услышанного. Кстати, именно таким «вольным» обращением краеведов с устными источниками А. Н. Власов и М. В. Ахметова объясняют существование краеведческих записей на периферии внимания профессиональных этнографов [Власов, Ахметова 2010, 13].

В. Н. Петрушиной [Петрушин 1994]: «...любит вспоминать она деревенскую жизнь в довоенное и послевоенное время», «однажды, во время войны», «ее отец работал до войны», «мальчики и девочки перед войной проводили свободное... время» и т.д.). Содержательно некоторые статьи дублируют значительные фрагменты альбомных страниц. Так, статья [Петрушин 1990б] цитирует не только рамочные факты биографии Н. И. Тимофеева (сведения об обучении, основные вехи военного опыта и т.д.), но и его пространственные воспоминания, пересказанные и в альбоме, и в статье от первого лица. Ср.: «Июнь 1943 года. Брянский фронт. Где-то в конце июня группу разведчиков из 7 человек, в том числе и я, направили в тыл врага. Задание: захватить и доставить фашистского офицера, а не солдата» [альбом «Книга ветеранов», рукопись с воспоминаниями]; «В конце июня группу разведчиков из 7 человек направили в тыл врага. Задание: захватить и доставить в штаб фашистского офицера» [Петрушин 1990б; текст выделен полужирным, как и другие примеры личных воспоминаний в статье]¹². При публикации статей АП правит не только стилистику исходного текста (корректируя речевые ошибки, поясняя и расставляя акценты), но и — в ряде случаев — добавляет новые факты биографии жителей. Альбом, таким образом, выступает и как база фактографических данных — костяк, на который в статьях наращивается повествовательная «мякоть», и как постоянно обновляющийся регистратор сведений,

работа с которым никогда не может и не должна быть окончена¹³.

Для выявления основных идеологических импликатур текстов рассматриваемых статей и, шире, прагматики краеведческих проектов АП, посвященных войне, рассмотрим две пространственные выдержки из первых «контекстозадающих» публикаций начала 1990-х гг.

«Еще в 1989 году страна начала работу над созданием Всесоюзной книги памяти, которая должна быть написана к маю 1995 года, к 50-летию Великой Победы. Чтобы создать ее, надо прежде создать республиканские, областные, районные, в сельских Советах и во всех населенных пунктах свои Книги памяти. Я начал работу над созданием такой книги в д. Тюм-Тюм в начале этого года. <...> Начав работу над книгой, обошел каждый дом своей деревни, поговорил с большинством жителей, был несколько раз в военкомате. <...> Я установил, что уже через 45 лет многие погибшие и пропавшие без вести исчезли из памяти людской — у них нет ни родных, ни близких, о них никто ничего не знает. Вот эти фамилии: (перечисление имен призывников Шурминского райвоенкомата. — К. Г.). <...> Если мы не напишем («Книгу памяти». — К. Г.), то история зачеркнет из памяти многих и многих солдат. Рядовой солдат <...> для нас останется лишь в цифрах, картинках, в книгах да в кино, без имени и фамилии, без года рождения и места гибели. <...> Надо написать также Книгу ветеранов. Их тоже остается все меньше и меньше. А многие уже

¹² Точно так же, как и в альбомах, в статьях особое внимание АП уделяет «мелким» биографическим частностям — деталям, чьи содержание и масштаб, казалось бы, противоречат этикетной (советской) героико-патетической модальности, определяющей одический стиль АП. Эти откровенные («без купюр») воспоминания жителей — например, о том, как нынешние ветераны трудового фронта не хотели на этом фронте работать и как представители власти их за это преследовали, — создают иллюзию всеохватного описания военного опыта и имеют для АП безусловную ценность личной истории. Ср. [Петрушин 2005а]: «Однажды, находясь во втором эшелоне, солдаты даже соорудили клуб, где показывали кино. Затем построили две бани с парилкой и моечной»; [Петрушин 2005б] (о работе Н. М. Чулковой на лесозаготовках): «Уезжать домой не разрешали. Однажды она вместе с подругами пришла на Рождество. Народ в деревне праздновал, пел, плясал. Но на следующий день с милицией их отправили обратно в лес».

¹³ Ср. о дополнении альбомов в 2005 г., к очередному юбилею Победы [Петрушин 2005в]: «Готовясь к 60-летию Победы, коллектив Тюм-Тюмской основной школы проделал большую работу по увековечиванию памяти своих земляков. <...> Мы вносили в («Книгу памяти» и «Книгу ветеранов». — К. Г.) дополнения, вписали новые фамилии (6 человек), наклеили 17 фотографий. <...> К юбилею Победы в школе написана еще одна книга «Участники трудового фронта д. Тюм-Тюм 1941–1947 гг.». В книгу занесена 41 фамилия, также фотографии людей, место их работы в годы войны, документы».

позабыты, особенно те, кто умер сразу после войны» [Петрушин 1990a].

«9 мая наша страна отметила 48-летие победы советского народа над фашистской Германией. Как всегда, у нас в школе прошел митинг и концерт. <...> [Далее следует изложение биографии О. А. Еноктаевой, работавшей в годы ВОВ на лесозаготовках. — К. Г.] Вот так и жили, работали в годы войны и после женщины и девушки ее поколения. Конечно, им было тяжело, но такое было время и такой тогда был народ — всё выдерживал. Чувство долга перед Родиной было сильнее всего. За добросовестный труд О. А. Еноктаева награждена медалью. <...> И от имени тех, кто родился после войны, кто видел и слышал о войне, о тяжелом физическом труде в эти годы по фильмам, по книгам, по рассказам старших, низкий всем поклон!» [Петрушин 1993].

В большинстве своем тексты АП строятся вокруг категориальной оппозиции *память — забвение*. Эксплицитно АП утверждает необходимость поиска и фиксации сведений об участниках ВОВ для закрепления их в памяти потомков: посредством статей, альбомов, книг и выступлений АП реализует собственную программу борьбы с забвением. Идея недопустимости забвения является одновременно одним из основных двигателей историко-графической деятельности и сильным риторическим аргументом, связывающим память с идеей долга живых перед погибшими (ср.: [Петрушин 1990a]: «Эту Книгу (памяти. — К. Г.) несколько раз за свою жизнь обязан прочитать каждый гражданин нашей страны»). С. Б. Адоньева [Адоньева 2009, 245–260] рассматривает миф о самопожертвовании во имя социального блага (обеспечения жизни сообщества) как основу формирования «...универсального для каждого советского человека культурного императива — общественного служения». В качестве нормативного отношения к пожертвовавшим

с собой, павшим или выстоявшим в ВОВ, советская культурная политика утверждала признание, ритуальное поминовение, почитание и память¹⁴. Именно эти базовые элементы советского дискурса памяти воспроизводит в своих статьях АП: забвение репрезентируется как необратимая трагедия (при помощи образности лексикализованных сочетаний «без вести исчезли из памяти людской», «история зачеркнет из памяти»), грозящая обезличить, превратить в цифры и имена без биографий тех, кто выполнил «долг перед Родиной». В качестве нормативного поведения АП утверждает почитание (ср.: «...от имени тех, кто родился после войны... низкий всем поклон»¹⁵) и память (поминовение). Для выполнения этого необходимо создавать подробные каталоги, навсегда фиксирующие уникальные биографии героев ВОВ, оживляющие их в памяти людей конца XX в. Такое оживление, очевидно, обеспечивается вниманием к биографическим мелочам и связям погибших с ныне живущими жителями деревни, «укоренением» участников ВОВ в настоящем при помощи изложения биографий их детей.

Образ военного поколения — уникального в своей способности выдержать лишения войны во имя «долга перед Родиной» — создается при помощи устойчивого репертуара языковых клише. Жанр биографии использует метафоры «старой закалки», «трудовых рук», «девичьих плеч» (на которые легли «трудности и тяжести»), «добросовестного/честного труда», «нелегкой доли», раскрывая с их помощью понятия повседневно (обыкновенного и в то же время уникального) подвига, которым АП гордится и призывает гордиться других. Перечисленные метафоры восходят к советскому канону оды работнику (герою, воину) и вполне предсказуемо соседствуют с другой советской практикой — «поощрения» отличившихся. Отсутствие свидетельств

¹⁴ О ритуалах, связанных с мемориалами погибшим: «Героизм обеспечивал императив общественного служения: участнику мемориального ритуала под барабанный бой вменялось навечно чувство вины: умерший здесь умер не просто так, он умер за тебя, и ты перед ним в долгу. Ты отдашь свой долг родине, за которую погибший отдал свою жизнь» [Адоньева 2009, 257].

¹⁵ Ср. также реализации советских идеологем «лишь бы не было войны» и связи живых с погибшими за живых в [Петрушин 1990b]: «Ветеранов с каждым годом всё меньше и меньше, уже нет 82 человек. А жизнь продолжается, живут на земле их дети, растут внуки, и я верю, что будут они достойной сменой, но воевать им не придется никогда».

публичного признания (медалей или грамот) у таких людей АП воспринимает болезненно и стремится ситуацию исправить. Так, на протяжении нескольких празднований Дня деревни в Тюм-Тюме он брал на себя добровольные обязательства по премированию активистов деревни и представителей старшего поколения жителей Тюм-Тюма.

К концу 2000-х гг. статей и других материалов краеведческой тематики было накоплено достаточно много, что подвигло АП переработать имеющиеся сведения в книгу «Тюм-Тюм — певучий родник» (издана весной 2010 г. в Йошкар-Оле), которую сам автор воспринимает как историческую хронику — максимально полную летопись собственной деревни¹⁶. В ней собраны исторические сведения из принципиально разных источников — научной и научно-популярной литературы, личных интервью АП с жителями деревни, газетных публикаций. Показательно, что практически все статьи АП, опубликованные в «Кировской искре» и так или иначе затрагивающие историю деревни, с минимальной правкой перешли в текст книги. Структура книги представлена последовательностью тематически обособленных глав, некоторые из которых формируют смысловые блоки. Собственно исторический блок включает главы: 1. «Истоки» (обзор археологических раскопок вблизи деревни). 2. «Происхождение мари» (появление «прамарийских племен» на территории деревни). 3. «Происхождение названия и развитие деревни» (исторические предания об «основателях» деревни; история деревни в 1920–1930-е гг.). 4. «Испытания» (события Первой мировой войны, Гражданской войны, воспоминания о раскулачивании и Великой Отечественной войне). 5. «Реформы» (послевоенное укрупнение колхозов, совхозы). *Этнографический* блок состоит из четырех глав (7–10),

посвященных песенной традиции в деревне, характеристике марийского женского костюма, описанию «традиционных марийских» молений в почитаемой роще, истории престольного праздника и Дня деревни в Тюм-Тюме. Наиболее объемная глава (11) — «История деревни в лицах ее жителей» включает подробные биографии ряда деревенских жителей (в основном тексты в точности дублируют газетные публикации АП). Особняком стоит глава 6 «Русские в Тюм-Тюме».

Основной чертой созданного в книге образа деревни оказывается ее *этничность*. Этничность, «марийскость» понимается как эссенциальная характеристика всего населения деревни — от первых поселенцев на территории, примыкающей к Тюм-Тюму, до современных жителей, и метонимически переносится на деревню. Такая идентификация, по мнению АП, не требует доказательств, поэтому повествование выстраивается как история деревенского сообщества, чья этничность не проговаривается, но подразумевается имплицитно¹⁷. Другим принципиальным компонентом конструируемого образа деревни является *полнота* ее исторического опыта. На протяжении всей книги АП последовательно проецирует локальную историю деревни на «большую» историю страны в том виде, в котором она преподавалась, например, в советской школе (и шире — формировалась в советском дискурсе). Иными словами, АП пытается — и на уровне композиции, и на уровне фактографии — привязать имеющуюся у него информацию о Тюм-Тюме к основным событиям новейшей истории России, времени этих событий (например, к войнам, созданию коммун, колхозов и совхозов) и соответственно представить деревню как полноправную участницу жизни страны, пережившую все ее основные беды и этапы развития: «Несмотря на сохраненную самобытность, в истории

¹⁶ Цитаты из книги АП «Тюм-Тюм — певучий родник» (далее — ТТПР) я привожу по авторской рукописной версии, с которой мне удалось поработать осенью 2009 г. Летом 2010 г. книга была издана в Йошкар-Оле: с содержательной точки зрения текст не претерпел изменений — исправления коснулись стилистики. Цитируя первый вариант книги (ТТПР-1), я рассматриваю его как более «авторский» и потому ценный; указания на параллельные страницы из опубликованного текста (ТТПР-2) приводятся рядом.

¹⁷ Выявить эту импликацию возможно только на макроуровне — структуры всей книги: так, внимание на себя обращает глава «Русские в Тюм-Тюме», рассказывающая о нескольких русских семьях, живших в отдельном починке деревни в течение полутора веков.

деревни Тюм-Тюм отразилась, как в зеркале, история нашей страны. Все трудности жители Тюм-Тюма переносили без ропота, создавали большие семьи и растили детей, воевали за свободу нашей Родины и трудились на ее благо» [Петрушин 2006].

Опубликованная и таким образом *отчужденная* от автора, книга стала основным историческим документом Тюм-Тюма, в котором, в частности, отразились векторы политики памяти, проводимой АП. В числе выполненных книгой задач можно назвать собирание всех имеющихся сведений по локальной истории и оформление их в единый текст, отбор и акцентирование фактов прошлого, актуальных для сегодняшней идентичности жителей деревни, создание этнографически яркого образа современной марийской деревни. Воспринимая книгу как опыт исчерпывающей локальной хроники (историографии), ориентированный в том числе и за пределы Тюм-Тюма, АП старался создать действительно последовательное историческое повествование. В итоге в тексте книги соединяются две противоположные стратегии: стремление написать хронику деревни от начала времен (от археологических культур к совхозам конца советской эпохи) и «привычка» идти от жителей — понимать историю как личный опыт конкретного человека в прошлом и ориентироваться на индивидуальные воспоминания или истории семей. Вторая стратегия привела к тому, что историография в исполнении АП в главах, посвященных XX в., зачастую представляет собой набор *биографий*; предельным выражением этой тенденции оказывается последняя глава ТТПР — «История деревни в лицах ее жителей».

Как уже говорилось, одной из риторических моделей, определяющих поэтику ТТПР, является проецирование описываемых локальных событий на большие исторические или культурные контексты. Проекция реализуется в книге и на эксплицитном (например, в тематическом разбиении глав), и на имплицитном уровне (например, в стремлении перечислить конкретных жителей деревни, участвовавших в значимых войнах века). И исторические главы книги, и биографические вставки содержательно сфокусированы

именно на «испытаниях», опыте жизни в войну. В качестве примера скрупулезного учета всех трагических событий в деревне приведу несколько цитат, хронологически членящих текст главы «Испытания» на блоки: «Заметная страница истории деревни — это Первая мировая война», «Не менее заметной страницей истории деревни была и гражданская война», «Жирной чертой в историю деревни вписано и раскулачивание в 30-х годах», «30 ноября 1939 года началась война с Финляндией, которую начал И. Сталин... В этой войне погибли двое тюм-тюмцев — Александр Иванович и Иван Антонович Петрушины», «Наступил 1941 год. Мирная жизнь колхозников была нарушена войной», «Заканчивая эту главу, нельзя было бы не сказать об афганской и о чеченской войнах. В этих войнах тоже участвовали тюм-тюмцы» [ТТПР-1, 17–26; ТТПР-2, 30–41]. Упоминания войн, участие в которых жители деревни принимали наравне с другими гражданами страны, функционируют в тексте как «контрольные точки» проекции локальной истории на общероссийскую. При последовательном соблюдении этого принципа историография деревни рисковала стать историей катастроф.

Описания прошлой и настоящей *культурной* специфики Тюм-Тюма всегда приводятся с оглядкой на марийский и, шире, финно-угорский дискурс. Представление о том, что история деревни — это и «этническая» история локальных марийцев, выступает одновременно как идеологема, сцепляющая повествование изнутри, и как конкурирующий нарратив, столь же важный для раскрытия судьбы деревни, как и нарратив испытания войной. По версии ТТПР история Тюм-Тюма выглядит как мозаика личных трагических историй *марийцев* деревни, чьи имена всегда известны автору и чьи деяния ценны в масштабах национальной истории. В последней особенности, на мой взгляд, заключается известный парадокс подобных краеведческих изданий: историография деревни пишется краеведами фактически как история большой семьи — с точным указанием имен, генеалогических связей и подробностей биографий героев. В то же время такие проекты, по мысли их авторов, ориентированы не только на

потребление внутри описываемого сообщества, но и *за его пределами*: другими словами, они в том числе призваны рассказать всему миру о необычной деревне с уникальной культурой и богатой историей. Оппозиция *универсальное/локальное* — основной нерв большинства краеведческих проектов — примиряет, как ни парадоксально, и конкурирующие структурирующие нарративы рассматриваемой книги — этнический и военный. Частные биографии, подвиги на трудовом и ратном фронтах, сохранная марийская культура, проявляющая себя в праздниках, религиозных практиках и материальном мире (*локальное*), репрезентируются как имеющие непреходящую значимость и ценность в глобальном масштабе — страны или финно-угорского мира (*универсальное*). Балансировка между воспеванием *локального* — *уникального* и ссылками на *универсальное* — *всеобщее* легитимизирует любые формы культурной и коммеморативной политики краеведов.

Образ Великой Отечественной войны занимает значимое место в массовой сельской культуре современной России: каждая областная, районная, деревенская институция — от администрации крупного поселения до единственного работника сельской библиотеки — ежегодно осуществляет проекты, популяризирующие память о войне. В Тюм-Тюме даже после закрытия средней школы (в прошлом — центра подготовки военных праздников) ежегодно проводится обязательный публичный коммеморативный ритуал — митинг 9 мая возле памятника погибшим в ВОВ с участием оставшихся в живых ветеранов и учеников младшей школы. Более того, из четырех памятников, расположенных на территории Тюм-Тюма, первым — по значимости, популярности и времени появления — является именно обелиск «Вечная слава воинам-землякам, павшим в Великой войне 1940–1945». Памятник до сих пор функционирует как один из символически значимых локусов деревни — мимо него проходит дорога, ведущая из Тюм-Тюма в Шурму и далее в Уржум, рядом с ним установлен один из трех новых мемориалов, появившихся по инициативе АП в 2000-е гг., — памятник «Жертвам репрессий».

Рассуждения о регулярном воспроизводстве советских (коммеморативных) форматов и моделей, моде на отсылки к «системе советских символических координат» на территории постсоветской России встречаются в самых разных контекстах и успели сами стать штампом: «С конца 1990-х и — особенно — в первом десятилетии нового века символическое возрождение “советского” стиля стало основной эстетической чертой современной России. Варианты такого возвращения в прошлое отличаются и степенью своей серьезности, и своим масштабом, но сама навязчивая тяга к повторению стилистических жестов и риторических приемов ушедшей эпохи <...> не может не поражать своей устойчивостью и своей популярностью» [Ушакин 2009, 17–19]. Из рассмотренного мною материала вполне очевидно, что в российской провинции интерес к тематике войны, уходящий корнями в позднесоветскую эпоху, был вполне стабилен на протяжении 1990-х и 2000-х гг., а унаследованные из советского публичного дискурса модели восприятия и описания войны никогда не выходили «из моды». Другими словами, «возрождение» и «возвращение» интереса характеризуют, скорее, «большой» официальный стиль, в то время как локальный дискурс никогда не отказывался от прочно усвоенных форматов коммеморации или нарративизации, от советской образной системы и языка описания. Не только советские жанровые формы (краеведческие альбомы, оды героям) и стандартизированные способы воспроизведения опыта войны (особая метафорика описания подвига, военного поколения) до сих пор используются для переживания связей с ВОВ, но и идеологические константы нормативного отношения живых к погибшим (долг, почитание, память, недопустимость забвения) в точности воспроизводятся в текстах современных краеведов. Прагматика составления и пополнения альбомов, экспонируемых в музеях, публикация статей о героях, развертывание истории деревни в ХХ в. как истории «испытаний» войнами заключается в овеществлении, отграничении сообщества памяти — как сообщества ответственности. «Книга памяти» как формат и идеальная модель одновременно предлагает инструменты для

перечисления, каталогизации членов сообщества, принесших жертву во имя его блага, и является признанным средством возвращения долга живыми¹⁸.

Описанная в статье политика памяти, проводимая в д. Тюм-Тюм силами краеведа Александра Петрушина, сопоставима с практикой сотен других российских деревень. Память о войне является неотъемлемым (а часто — центральным) фокусом внимания любого локального историографа. В случае, рассмотренном мною, она конкурирует и на уровне нарративной структуры отдельных произведений, и на уровне деятельности краеведа в целом с этническим (марийским, финно-угорским) нарративом, формирующим этнически специфичный образ деревенского сообщества. Примирение двух линий характеристики деревни осуществляется краеведом через «вписывание» локальных уникальных историй, событий, судеб и культурных фактов

в глобальную перспективу истории этнического (марийского) и национального (российского) сообществ. Ошибочно было бы считать, что воспроизводство памяти о войне в форматах, предпочитаемых героем статьи или в каких-либо других, является лишь результатом «мемориальной привычки» [Конрадова, Рылева 2005], оставшейся с советской эпохи. Наоборот, Отечественная война как популярная тема и как идеологически насыщенный знак в контексте массовой сельской культуры предоставляет универсальный, всегда уместный материал для деревенской самодеятельности, внеклассной исследовательской или плановой досуговой работы, конкурируя в данном случае только с этнически маркированными проектами. Наконец, тема войны ощущается как легитимный повод для воспроизводства и способ воспитания патриотических чувств¹⁹ — лояльности собственной «большой» истории.

Литература

Адоньева 2009 — Адоньева С. Б. История о вечном огне: культовые сооружения советской эпохи // Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи. СПб., 2009. С. 223–260.

Власов, Ахметова 2010 — Власов А. Н., Ахметова М. В. Тимофей Васильевич Ажгибков: портрет локального бытописателя // Живая старина. 2010. № 1. С. 13–19.

Воронина 2011 — Воронина Т. Ю. Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 159–175.

Гудков 2005 — Гудков Л. Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 46–51.

Донован 2012 — Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 6. С. 379–402.

Итоги Всероссийской переписи 2006 — Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Кировской области. Т. VI. Сельские населенные пункты. Киров, 2006.

Книга Памяти 1995 — Книга Памяти: Кировская обл.: В 17 т. Т. 12. Унинский, Уржумский районы. Киров, 1995.

Книга Памяти погибших 1995 — Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 17 / Центр по изданию Книги Памяти Москвы. М., 1995.

Конрадова, Рылева 2005 — Конрадова Н. А., Рылева А. Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 134–148.

Лоскутова М. Рецензия [Emily Johnson, How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie] // Ab imperio. 2007. № 1. С. 495–504.

Николаев 2010 — Николаев О. Р. Наивная фольклористика: типы, формы, функции // Живая старина. 2010. № 1. С. 2–5.

Николаев 2012 — Николаев О. Р. Биография в зеркале бытовых письменных практик // Право на имя. Биографика XX века: Деятели чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2012.

Память о войне — Память о войне в современных российских СМИ [Дискуссия] //

¹⁸ Ср.: риторическая экспликация прагматики официального издания: «Увековечить память погибших — долг живых. Увековечить всех до единого! Поименно! Погибшие должны быть всегда в наших сердцах. С ними мы должны сверять свои замыслы и поступки, черпать в них силу, видеть в них самоотверженный пример служения Отечеству» [Книга Памяти 1995, 5]. Об одобренном на государственном уровне формате «Книг памяти» см., например, в [Книга Памяти погибших 1995, 343–352].

¹⁹ О формировании «символического словаря местного патриотизма» как продукта позднесоветского массового краеведения см.: [Донован 2012, 399–400].

- Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 353–368.
- Петрушин 1990а — *Петрушин А. Ф.* Нужна ли Книга памяти? Нужна! // Кировская искра. 1990. 6 декабря.
- Петрушин 1990б — *Петрушин А. Ф.* Наш отважный земляк // Кировская искра. 1990. 28 января.
- Петрушин 1990в — *Петрушин А. Ф.* А жизнь продолжается // Кировская искра. 1990. 11 августа.
- Петрушин 1991 — *Петрушин А. Ф.* Женщины старой закалки // Кировская искра. 1991. 7 марта.
- Петрушин 1993 — *Петрушин А. Ф.* Низкий вам поклон // Кировская искра. 1993. 27 июля.
- Петрушин 1994 — *Петрушин А. Ф.* Живет воспоминаниями // Кировская искра. 1994. 22 февраля.
- Петрушин 2005а — *Петрушин А. Ф.* Ветеран карельского фронта // Кировская искра. 2005. 7 мая.
- Петрушин 2005б — *Петрушин А. Ф.* Это всё надо было пережить // Кировская искра. 2005. 20 января.
- Петрушин 2005в — *Петрушин А. Ф.* Их имена не забыты // Кировская искра. 2005. 29 сентября.
- Петрушин 2006 — *Петрушин А. Ф.* Марийская деревня Тюм-Тюм: к вопросу о сохранении самобытности // Самобытная Вятка: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.Г. Сахарова, А.Г. Поляков. Киров, 2006.
- Травма 2009 — Травма: Пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009.
- ТТПР-2 — *Петрушин А. Ф.* Тюм-Тюм — певучий родник. Йошкар-Ола, 2010.
- Ушакин 2009 — *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: Пункты / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М., 2009. С. 5–41.
- Хёслер 2005 — *Хёслер И.* Что значит «Проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Не­прикосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 88–95.
- Хобсбаум 1998 — *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
- Щербакова 2001 — *Щербакова И.* Память и миф // Не­прикосновенный запас. 2001. № 6. С. 90–91.
- Antze, Lambek 1996 — *Antze P., Lambek M.* *Introducton: Forecasting Memory // Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory.* P. Antze, M. Lambek (eds.). New York-London, 1996.
- Gillis 1994 — *Gillis J. R.* *Memory and Identity: the history of a relationship // Commemorations. The politics of National Identity.* J. Gillis (ed.). Princeton, 1994. P. 3–24.
- Johnson 2006 — *Johnson E.* *How St. Petersburg learned to study itself: the Russian idea of kraevedenie.* University Park, PA, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Младший научный сотрудник проекта «Североведение» факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге: Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3а; тел.: +7 (911) 736-94-78; e-mail: kgawrilova@eu.spb.ru

THE IMAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN LOCAL STUDIES: SCRAP-BOOKS AND TIMELINES

KSENIA GAVRILOVA

(European University at Saint Petersburg (EUSP), faculty of anthropology:
3a, Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation)

Summary. *The article analyses pragmatics of the Great Patriotic War image as a part of local commemoration policy implemented by a “kraeved”, local historian from a distant village of Urzhum district of Kirov region. There in rural Russia local historians possess symbolic right to observe, comment or contest the local historical narrative. They are “authorized” even to express their own views about the history of their village or small town in different formats. Alexandr Petrushin’s commemoration activity and social and ethnic and local identity revival projects are remarkable. Main outcomes of commemorative programme range from historical albums (exposed at a local museum) to the articles about veterans published in local press. The village chronicle presents a remarkable contribution to the local revival and commemoration as well.*

Historical albums are focused on enumerating and portraying those who had an experience of the War (either in the battlefield or in the rear), while articles attempt to create coherent biographical narratives out of albums data and promote them within the region. The rhetorical and compositional peculiarities of these texts reveal the links between contemporary strategies of commemoration and ideological patterns of Soviet origin (such as ideas of sacrifice of the deceased, duty of the living generations, importance of memory maintainance). The consistent chronicle (written by Petrushin) juxtaposes the account of village history in the 20th century with the grand historical narrative about Soviet Union (Russia). Within the book the competition between Great War discourse and ethnic discourse functions as a means of shaping the village image and representing local community as a community of commemoration.

Key words: commemoration policy, Great Patriotic (Second World) War, kraevedenie, mass culture of Russian (post-soviet) rural area.

References

Adon'eva S. B. (2009) Istoriya o vechnom ognе: kul'tovye sooruzheniya sovetsoy epokhi [The Story about the Eternal Flame: Worship Installations from the Soviet Epoch]. *Dukh naroda i drugie dukhi* [National and Other Spirits]. St. Petersburg. Pp. 223–260. In Russian.

Antze P., Lambek M. (eds.) (1996) *Introducion: Forecasting Memory. Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory.* New York; London. In English.

Donovan V. (2012) «Idya nazad, shagaem vpered»: kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoy pamyati v Severo-Zapadnom regione. 1956–1981 [“Returning back, We Step Forward: Museums of Local Studies and Construction of the Local Memory in the Northern-West Region]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. 2012. No. 6. Pp. 379–402. In Russian.

Gillis J. R. (ed.) (1994) *Memory and Identity: the history of a relationship. Commemorations. The Politics of National Identity* Princeton. Pp. 3–24. In English.

Gudkov L. D. (2005) «Pamyat'» o voyne i massovaya identichnost' rossiyan [Memory of the War and Mass Identity of Russia's Citizens]. *Neprikosnovennyi zapas* [Indefeasible Stock]. 2005. No. 2–3. Pp. 46–51. In Russian.

Johnson E. (2006) *How St. Petersburg learned to study itself: the Russian idea of kraevedenie.* University Park, PA. In English.

Khesler I. (2005) Chto znachit «Prorabotka proshlogo»? Ob istoriografii Velikoy Otechestvennoy voyny v SSSR i Rossii [What does “Working-through of the Past” Mean? About Historiography of the Great Patriotic War in USSR and Russia]. *Neprikosnovennyi zapas* [Indefeasible Stock]. 2005. No. 2–3. Pp. 88–95. In Russian.

Khobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780]. St. Petersburg, 1998. In Russian.

Konradova N. A., Ryleva A. N. (2005) Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoy Otechestvennoy [Heroes and Victims. Memorial Monuments of the Great Patriotic War]. *Neprikosnovennyi zapas* [Indefeasible Stock]. 2005. No. 2–3. Pp. 134–148. In Russian.

Loskutova M. (2007) Review upon: Emily Johnson, *How St. Petersburg Learned to Study It-*

self: The Russian Idea of Kraevedenie. Ab imperio. 2007. No. 1. Pp. 495–504.

Nikolaev O. R. (2010) Naivnaya fol'kloristika: tipy, formy, funktsii [Naive Folklore Studies: Types, Forms, Functions]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2010. No. 1. Pp. 2–5. In Russian.

Nikolaev O. R. (2012) Biografiya v zerkale bytovykh pis'mennykh praktik [Biography in the Mirror of Everyday Writing Practices. *Pravo na imya. Biografika XX veka. Devyatye chteniya pamyati Veniamina Iofe* [Right for Own Name. Personal History in the 20th Century. The Tenth Readings in Memoriam of Veniamin Iofe]. St. Petersburg. In Russian.

Pamyat' o voyne v sovremennykh rossiyskikh SMI <Diskussiya> [Memory of the War in Contemporary Russian Mass-Media. < Discussion >]. *Neprikosnovennyi zapas* [Indefeasible Stock]. 2005. No. 2–3. Pp. 353–368. In Russian.

Petrushin A. F. (1990) Nuzhna li Kniga pamyati? Nuzhna! [Is the Book of the Memory Needed? Definitely Needed!]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 1990.6.12. In Russian.

Petrushin A. F. (1990) Nash otvazhnyy zemlyak [Our Valiant Homeboy]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 1990.28.01. In Russian.

Petrushin A. F. (1990) A zhizn' prodolzhaetsya [But the Life Goes on]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 1990.11.08. In Russian.

Petrushin A. F. (1991) Zhenshchiny staroy zakalki [Women Hardened in the Old Way]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov] 1991.7.03. In Russian.

Petrushin A. F. (1993) Nizkiy vam poklon [We Bow Thanks to You]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 1993.27.07. In Russian.

Petrushin A. F. (1994) Zhivet vospominaniya-mi [Living on Own Memories]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 1994.22.02. In Russian.

Petrushin A. F. (2005) Veteran karel'skogo fronta [Veteran of the Karelian Front]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 2005.7.05. In Russian.

Petrushin A. F. (2005). Eto vse nado bylo per-zhit' [Had to Survive through It]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov]. 2005.20.01. In Russian.

Petrushin A. F. (2005). Ikh imena ne zabyty [Their Names are Never Forgotten]. *Kirovskaya iskra* [Sparkle of Kirov] 2005.29.09. In Russian.

Petrushin A. F. (2006) Mariyskaya derevnya Tyum-Tyum: k voprosu o sokhraneniі samobytnosti [Tyum-Tyum the Village of the Mari: to the Question of Maintenance of Uniqueness]. *Samobytnaya Vyatka*. [Unique Vyatka: Collected Papers]. Ed. by Sakharov L. G., Polyakov A. G. Kirov. In Russian.

Petrushin A. F. (2010) Tyum-Tyum — pevuchiy rodnik [Tyum-Tyum is a Singing Spring-Well]. Yoshkar-Ola. In Russian.

Seĭskie naselennyye punkty (2006) [Rural Populated Localities]. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda po Kirovskoy oblasti* [Results of the All-Russian Census of Population in 2002 for the Kirov Region]. Vol. 6. Kirov. In Russian.

Shcherbakova I. (2001) Pamyat' i mif [Memory and Myth]. *Neprikosnovennyy zapas* [Indefeasible Stock]. 2001. No. 6. Pp. 90–91. In Russian.

Travma: Punkty. (2009) [Trauma. Points]. Collected Papers. Comp. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow. In Russian.

Tsentr po izdaniyu Knigi Pamyati Moskvy (1995) [Moscow Center of Publishing of the Book of Memory Edition]. *Kniga Pamyati pogibshikh i propavshikh bez vesti v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov* [The Book of the Memory of Descendent and

Lost Obscure during the Great Patriotic War 1941–1945]. Vol. 17. Moscow. In Russian.

Uninskiy, Urzhumskiy rayony (1995) [Uni and Urzhum Districts]. *Kniga Pamyati: Kirovskaya obl.* [The Book of the Memory: Kirov Region]. In 17 vol. Vol. 12. Kirov. In Russian.

Ushakin S. (2009) «Nam etoy bol'yu dyshat'»? O travme, pamyati i soobshchestvakh [Do We have to Breathe with This Pain? About Trauma, Memory, Communities]. *Travma: Punkty. Sb. St. Comp. S. Ushakin i E. Trubina* [Trauma. Points. Collected Papers]. Comp. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow, 2009. Pp. 5–41. In Russian.

Vlasov A. N., Akhmetova M. V. (2010) Timofey Vasilevich Azhgibkov: portret lokal'nogo bytopisatelya [Timofey Vasilevich Azhgibkov: Portrait of the Local Historian]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2010. No. 1. Pp. 13–19. In Russian.

Voronina T. Yu. (2011) Kak chitat' pis'ma s fronta? Lichnaya korrespondentsiya i pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne [How to Read Letters from the Battlefield? Personal Epistolary Correspondence and Memory of the World War the 2nd]. *Neprikosnovennyy zapas* [Indefeasible Stock]. 2011. No. 3. Pp. 159–175. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: kgawrilova@eu.spb.ru

Tel.: +7 (911) 736-94-78

3a, Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation

Junior researcher in the “Studies of the North” — project, faculty of anthropology, European University at Saint Petersburg

---